

НУЛЕВОЙ ПАЦИЕНТ

Галина Пак

18+

Галина Пак

Нулевой пациент

«Автор»

2026

Пак Г.

Нулевой пациент / Г. Пак — «Автор», 2026

Он — бывший эпидемиолог. Его дочь убила не болезнь, а бюрократия. Чиновник, задержавший жизненно важные детали для ИВЛ, отделался выговором. А отец, оставшийся у пустой кровати, решил: раз закон не карает виновных, он сделает это сам. Теперь он убивает тех, кто ушёл от правосудия. Педофилов, садистов, коррупционеров. Он вводит им сыворотку, заставляющую за секунды пережить весь ужас своих жертв. Смерть от сердечного приступа выглядит естественно. Никто не подозревает, что это не приступ, а «вакцинация». Майор Анна Штерн идёт по следу. Она знает, что преступник опасен. Но каждый новый труп оказывается монстром в человеческом обличье. Сможет ли она остановить преступника? И не станет ли сама его соучастницей? «Нулевой пациент» — это психологический триллер, где вы не найдёте готовых ответов. Только вопрос, который останется с вами после последней страницы: кем становится тот, кто вершит правосудие, когда закон бессилен? Спасителем или палачом?

© Пак Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Инкубационный период	5
Глава 2. Майор	9
Глава 3. Свидетель	12
Глава 4. Теория моральных вирусов	16
Глава 5. Ошибка в расчётах	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Нулевой пациент

Глава 1. Инкубационный период

Он никогда не работал в перчатках.

Это было первое, что замечали те, кто видел его руки. Тонкие, с аккуратно остриженными ногтями, с едва заметной голубизной вен под бледной кожей. Руки врача. Руки, которые тридцать лет держали пробирку, шприц, градусник. Руки, которые когда-то гладили волосы дочери.

Теперь они готовили вакцину.

— Третий компонент, — прошептал он в пустоту лаборатории. Голос сел неделю назад, и каждый звук давался с усилием, будто он выталкивал слова сквозь сухое горло. — Температура стабилизации — тридцать восемь и две десятых.

Он не нуждался в помощниках. Помощники задают вопросы. Помощники сомневаются. А сомнение — это первый симптом заражения.

Пульсоксиметр на его пальце мерно пикнул: сто двенадцать ударов в минуту. Выше нормы. Но он давно жил выше нормы — выше нормы горечи, выше нормы гнева, выше нормы того, что обычные люди называют «пределом».

Кирилл, ты сегодня принимал лекарства?

Голос жены. Бывшей жены. Он услышал его так отчётливо, что на секунду обернулся — но за спиной были только стеллажи с ампулами и тусклый свет люминесцентных ламп. Галлюцинация. Первая за сегодня.

Он потёр левое подреберье. Там, под рёбрами, гнездилась опухоль — «милый гость», как он называл её про себя. Три с половиной сантиметра. Неоперабельная. Метастазы ушли в лимфоузлы, потом в лёгкие, потом... Он перестал считать потом. Когда тебе дают полгода, каждый день становится бесконечностью, в которую нужно упаковать целую жизнь.

Или чью-то смерть.

Жертва сегодняшней «вакцинации» лежала в соседней комнате. Он привёз его два часа назад, уложил на кушетку, зафиксировал ремнями. Мужчина, пятьдесят три года, владелец сети зоомагазинов. Красивое лицо, дорогой костюм, обручальное кольцо на левой руке. Внешне — образцовый семьянин.

Но за три недели слежки Доктор, он называл себя так, собрал досье. Четыре случая жестокого обращения с животными, зафиксированных камерами в подсобках. Один — с летальным исходом для щенка. Два случая избиения жены — соседи слышали крики, но не вызвали полицию, потому что «не хотели вмешиваться». И последнее, самое страшное: год назад мужчина вышвырнул из машины своего сына-подростка за то, что тот признался в нетрадиционной ориентации. Парень сломал позвоночник. Сейчас прикован к инвалидной коляске.

Отец навещал его раз в месяц. Доктор видел эти визиты. «Мужской разговор» — так они назывались. После каждого сын плакал.

— Носитель, — выдохнул Доктор, надевая маску. Не стерильную — он не боялся заражения в обычном смысле, — а ту, что скрывала половину лица. Чёрную, с прорезями для глаз. Он позаимствовал её в костюмерной театрального училища. Ирония: теперь он сам играл роль — палача и спасителя одновременно.

Он вошёл в комнату.

Мужчина уже очнулся. Его глаза — карие, с желтоватыми белками — метались по потолку, пытаясь понять, где он. Ремни держали крепко. Запястья побелели от напряжения.

— Что за херня?! — голос сорвался на фальцет. — Кто вы? Вы знаете, кто я? Я позвоню...

— Вы не позвоните, — спокойно сказал Доктор. Он сел на табурет у изголовья, положил руки на колени. — У вас нет телефона. У вас вообще ничего нет. Только вы и я.

— Убью, сука!

— Возможно. — Доктор кивнул, словно обсуждал погоду. — Но не сегодня.

Он любил этот момент. Самый опасный и самый честный. Когда жертва ещё не понимает, что происходит, и выплёскивает всё, что есть внутри. В этом потоке ненависти, страха, бравады всегда проступала истинная сущность.

Мужчина задышал чаще. Его зрачки расширились — адреналин делал своё дело. Доктор с удовлетворением отметил, что пульс у жертвы, судя по всему, перевалил за сто сорок. Хорошо. Сердечно-сосудистая система в тонусе — препарат усвоится быстрее.

— Вы знаете, почему вы здесь? — спросил Доктор, доставая из кармана ампулу. Стекло тускло блеснуло в свете лампы.

— Отпустите меня, я заплачу. У меня есть деньги. Много денег.

— Я не про деньги. Я про щенка. Помните? Белого, с коричневым ухом. Вы били его ногой, пока он не перестал дышать. Говорили, что он «не слушается».

Мужчина замер. Его лицо на секунду потеряло выражение — как у компьютера, который завис. А потом губы искривились в усмешке.

— Пёс? Вы меня похитили из-за грёбаного пса?

— Нет. — Доктор покачал головой. — Из-за сына. Из-за жены. Из-за тех, кто молчал, когда вы ломали чужие жизни. Пёс — просто маркер. Симптом. Как температура при гриппе.

— Вы псих.

— Я эпидемиолог. — Доктор улыбнулся — эта улыбка не коснулась глаз, но была искренней в своей печали. — И я изучаю эпидемии. Знаете, что убило больше людей, чем чума, холера и испанка вместе взятые? Жестокость. Она передаётся быстрее вируса. Ею можно заразиться через слово, через взгляд, через бездействие. И нет вакцины.

Он поднял ампулу на свет. Внутри переливалась янтарная жидкость — его собственный коктейль. Синтезированный нейромодулятор, три вида алкалоидов, производное ЛСД и кое-что ещё, что он нашёл в старых архивах КГБ. Программа «Ужас». Разрабатывалась как психологическое оружие. Никогда не применялась на людях.

До него.

— Что это? — голос мужчины дрогнул. Впервые по-настоящему дрогнул.

— Вакцина. — Доктор сломал ампулу, набрал содержимое в шприц. Игла сверкнула. — Она вызовет у вас галлюцинации. Вы увидите свои худшие страхи. Те, что вы спрятали глубоко внутри. Те, которые заставляют вас быть жестоким. Я не буду убивать вас, — он нажал на поршень, выпуская пузырьки воздуха, — вы убьёте себя сами. Ваш собственный разум сделает это за меня.

— Вы чокнутый! — Мужчина дёрнулся, заскрипели ремни. — Маньяк! На помощь!

— Кричите. — Доктор шагнул ближе. — Здесь никто не услышит. Подвал оборудован шумоизоляцией. Я сам её монтировал. Знаете, чему меня научила пандемия? Что самое страшное — не вирус. Самое страшное — когда люди отказываются видеть правду, даже когда она у них перед глазами.

Он вспомнил дочь. Её последние слова были не «люблю» или «прощай». Она спросила: «Папа, почему они не надели маски? Почему они не послушались?» Ей было одиннадцать. Она умерла на ИВЛ, когда аппарат сломался, потому что больница переполнилась, а запчасти задерживались на таможне — «бумажные проволоочки», сказал чиновник. Бумажные проволоочки. Человеческая жизнь против бюрократии.

В тот день Доктор понял, что жестокость — не свойство характера. Это инфекция. И он должен стать её нулевым пациентом — тем, кто примет на себя всю болезнь, чтобы другие выжили.

— Пожалуйста, — всхлипнул мужчина. Сейчас он не казался сильным. Он казался испуганным мальчиком, которого вот-вот накажут. — Я больше не буду. Я обещаю.

— Обещания — это симптом, — тихо сказал Доктор. — А я лечу причину.

Он ввёл иглу в вену на локтевом сгибе — профессионально, почти нежно. Мужчина дёрнулся, застонал. Жидкость ушла за три секунды.

Доктор отступил на шаг, убрал шприц в контейнер для биологических отходов. Затем сел в кресло в углу и достал блокнот.

Он всегда записывал. Реакции, сроки, содержание галлюцинаций. Это была наука. Самая важная наука в его жизни — дорожке вирусологии, эпидемиологии, иммунологии. Наука о том, как заставить жестокого человека испытать всё то, что он заставлял чувствовать других.

Первые изменения начались через сорок секунд.

Зрачки мужчины расширились до предела. Он перестал дышать — на целых десять секунд, а потом выдохнул с хрипом, похожим на вой. Его тело выгнулось дугой, пальцы скрючились.

— Нет, — прошептал он. — Нет, мама, нет, я не хотел...

Мама. Доктор сделал пометку: «Подавленный инцестуозный комплекс. Ранняя травма. Как и предполагалось».

— Они все здесь, — закричал мужчина, глядя в пустоту перед собой. — Они смотрят на меня. Щенки. Все щенки. Их глаза. У них человеческие глаза. Это вы! Это вы смотрите на меня!

Доктор замер.

Мужчина повернул голову, и его взгляд — мутный, закатившийся, безумный — на секунду сфокусировался на нём. На Докторе.

— Папа? — прошептал мужчина. — Папа, прости меня. Я не хотел, чтобы ты умирал. Я просто... я просто боялся.

Доктор не шевелился. Его рука, державшая ручку, дрожала.

Он знал, что галлюцинации могут вытаскивать что угодно — образы, звуки, запахи. Но сейчас мужчина видел в нём своего отца. Того, кого вероятно тоже когда-то боялся и ненавидел. Того, кто научил его жестокости.

Мы все — звенья одной цепи, подумал Доктор. И чтобы разорвать её, нужно убить не одно звено. Нужно убить саму идею насилия. А для этого...

Он почувствовал привычный толчок в левом боку — опухоль напомнила о себе. Три с половиной сантиметра смерти, которая росла внутри него. Его собственная пандемия.

...для этого нужно стать последним звеном.

Мужчина на кушетке забился в конвульсиях. Из рта пошла пена — нормальная реакция на передозировку. Доктор проверил пульс: 180, аритмия. Ещё минута, и сердце остановится.

Он не отводил взгляда. Он был обязан смотреть. В этом тоже была наука — и искупление.

— Прощайте, — сказал он, когда зрачки мужчины остекленели. — Вы были не первым. И не последним. Но, возможно, самым важным.

В тишине подвала зазвучал монотонный писк кардиомонитора — сначала частый, потом редкий, потом один длинный звук, который не прекращался.

Доктор закрыл блокнот, поднялся. Ноги затекли. Он подошёл к телу, нащупал сонную артерию — пульса не было.

«Вакцинация завершена», — написал он в блокноте. И ниже, уже другой рукой, дрожащей: «Сегодня я снова видел её. Она стояла в углу. Сказала: „Папа, ты делаешь правильно“. Я знаю, что это метастазы в мозг. Но я всё равно рад».

Он снял чёрную маску, выключил свет и вышел в коридор. Там, на столе, лежала стопка досье. Двадцать семь имён. Двадцать семь носителей. И его собственное — в самом низу.

Нулевой пациент.

На улице светало. Доктор посмотрел на небо — серое, мартовское, без единой звезды. Где-то там, за облаками, была его дочь. Или не была. Он уже не верил в загробную жизнь. Он верил в вирусы, в цифры, в температурные графики и в то, что иногда зло можно вылечить только большим злом.

Он сел в машину, завёл двигатель и поехал домой. На заднем сиденье лежал детский рисунок — девочка с косичками держит за руку мужчину в белом халате. Сверху надпись фломастером: «Папа лечит людей».

Доктор улыбнулся и вытер слезу.

Она не знала, как сильно он её подвёл.

Глава 2. Майор

Тело нашли в семь утра. Дворник, вышедший выносить мусор, споткнулся о ноги — аккуратно вытянутые, будто человек прилёг отдохнуть. Только глаза были открыты. И рот тоже. Застывший крик, который никто не услышал.

Майор Анна Штерн приехала через двадцать минут. Она не любила выезжать на рассвете — в это время суток трупы выглядят слишком... обыденно. Будто спят. Будто их можно разбудить.

— Четвёртый за месяц, — сказал сержант, подавая ей бахилы. — Тот же почерк. Никаких внешних повреждений. Сердце.

— Сердце не останавливается просто так, — Анна нагнулась над телом. Мужчина, лет пятидесяти, дорогой костюм, часы «Космос» на левой руке. Лицо искажено гримасой такого ужаса, будто он встретил не смерть, а нечто худшее. — Что по документам?

— Орехов Павел Андреевич, пятьдесят три года. Сеть зоомагазинов. Жена, двое детей. Никогда не привлекался.

— Никогда? — Анна подняла бровь. — Бывает.

Она достала фонарик и посветила в глаза трупу. Зрачки расширены до предела — характерный признак воздействия на центральную нервную систему. Токсикологическая проба покажет, но она и так знала: будет то же самое, что у предыдущих трёх. Неизвестный синтетический алкалоид. Криминалистическая лаборатория разводила руками.

— Его нашли здесь? — Анна огляделась. Тупик между гаражами, грязный снег, битое стекло. Не место для человека с часами «Космос» на запястье.

— Нет, — сержант помялся. — Его привезли. Соседний двор, следы шин. Кто-то выгрузил тело как мешок с мусором.

— Не как мусор, — тихо поправила Анна. — Аккуратно. Ноги выпрямлены, руки вдоль тела. Это не пренебрежение. Это ритуал.

Она выпрямилась, потирая затекшую поясницу. Тридцать семь лет, а тело уже не то. Сказались годы в полевой работе, бессонные ночи, кофе вместо еды. Коллеги звали её «ледяной королевой» за умение сохранять спокойствие на любом трупе. На самом деле она просто научилась не чувствовать. Иначе можно сойти с ума.

— Где камеры?

— В радиусе двух кварталов — только одна, на заправке. Но она смотрит в другую сторону.

— Значит, он знал. Изучал местность.

Анна достала блокнот — кожаный, потрёпанный, с выцветшими записями. На первой странице было три имени. Суханов А.В., Жилин А.Б., Рябцев А.П. Теперь она дописала четвёртое: «Орехов П. А. Зоомагазины. Дети. Уточнить по жестокости».

Она не была профайлером в классическом смысле — не носила чёрные водолазки и не цитировала Юнга на каждом шагу. Она была охотником. И чутьё подсказывало: этот убийца не похож на тех, с кем она сталкивалась раньше. Никакой сексуальной подоплёки. Никакого расчленения. Никаких «почерков» в стиле «воткнуть нож ровно сорок раз».

Чисто. Профессионально.

— Сержант, проверьте, не было ли у Орехова проблем с законом. Неофициальных. Жалобы соседей, заявления в полицию, которые не дошли до суда.

— Думаете, он был не чист?

— Я думаю, — Анна посмотрела на мёртвое лицо, которое застыло в вечном крике, — что этот господин сделал нечто такое, за что кто-то счёл нужным его наказать. И не просто наказать. Заставить его увидеть то, что он сам заставлял видеть других.

Она вспомнила предыдущие жертвы. Первый — чиновник, задержавший поставку медицинского оборудования в разгар пандемии. Второй — учитель, который десять лет помогал учениц, но «замяли» дело из-за связей. Третий — владелец сети хостелов, где сгорели люди из-за нарушений пожарной безопасности, а он откупился.

Все — внешне респектабельные. Все — с тёмным прошлым, которое не попало в приговоры. И все умерли от страха.

— Это не маньяк, — прошептала Анна. — Это палач. Кто-то, кто взял на себя роль судьи.

— Но он убивает, — возразил сержант. — Значит, маньяк.

— Маньяк убивает ради удовольствия. А этот... — она запнулась, подбирая слово, — этот судит или лечит. Или думает что лечит.

Она отошла от тела, давая дорогу криминалистам. Телефон завибрировал. Сообщение от начальника: «Заезжай в участок. Есть новое по токсикологии. И привези отчёт по третьей жертве — мать её, Штерн, это уже четвёртый за месяц. Пресса на хвосте».

Пресса. Анна скривилась. Как только журналисты узнают, что убийца выбирает «плохих парней», начнутся споры: а может, он прав? А может, это народный мститель? Она ненавидела эту риторику. Зло остаётся злом, даже если его цели кажутся благородными.

Она села в машину — старый «Форд» с отваливающейся обшивкой. Перед тем как завести двигатель, достала из бардачка фотографию. Мужчина, улыбающийся, в форме. Её напарник Дима. Её друг. Единственный, кто называл её не «ледяной королевой», а просто «Аня».

Он погиб два года назад. Официальный вердикт падение с лестницы при невыясненных обстоятельствах, убийцу так и не нашли — дело замяли, свидетели исчезли, улики «потерялись». Обычная история. Анна предполагала, что это сделал — полицейский, который прикрывал банду. Но доказательств не было.

Она убрала фото. Включила зажигание.

— Ладно, судья, — сказала она вслух, обращаясь к невидимому убийце. — Давай поиграем. Ты думаешь, что вершишь правосудие. А я тебе покажу, что правосудие — это не когда ты решаешь, кому жить.

Машина выехала на трассу. В зеркале заднего вида исчезал двор, гаражи, тело, накрытое чёрной плёнкой. И тихий город, в котором кто-то готовил новую вакцину.

В участке её ждала стопка бумаг, холодный кофе и результат анализа: в крови всех жертв обнаружен один и тот же неизвестный нейротоксин. Формула не совпадала ни с одним из известных психоактивных веществ. Но было кое-что ещё.

— Он оставляет послания, — сказал эксперт, молодой парень в очках, нервно теребящий ручку. — Мы нашли микроскопические царапины на ампулах. Под микроскопом — это буквы которые складываются в слова.

— Какие?

Эксперт протянул распечатку. Анна прочитала:

«ВАКЦИНАЦИЯ №...»

Она перевернула лист. На обороте было ещё одно слово, выведенное тем же почерком — аккуратным, врачебным:

«НУЛЕВОЙ ПАЦИЕНТ»

— Что это значит? — спросил эксперт.

Анна не ответила. Она смотрела на буквы, и внутри неё, где-то глубоко, зашевелился холодный страх. Не за себя. За то, что этот человек — не безумец. Он верит в то, что делает. И такие — самые опасные.

— Начинай поиск по базам, — сказала она наконец. — Медики, психиатры, эпидемиологи. Те, кто потерял близких во время пандемии. Те, кто ушёл из профессии. Сделай выборку по всему региону.

— Это тысячи людей.

— Тогда начинай сейчас. — Она встала, взяла пустой стакан из-под кофе и выбросила его в корзину. — Потому что он не остановится. Он только начал.

За окном светало. Город просыпался, не зная, что среди них ходит человек, который называет убийство лечением. И что где-то в подвале, в тусклом свете лампы, готовится пятая ампула.

Анна подошла к карте, где были отмечены места всех четырёх убийств. Если соединить их линиями, получался почти правильный круг. И центр этого круга — старый район, где находились городская клиническая больница и детский хоспис.

— Там, — прошептала она. — Ты там. Или был там.

Она взяла маркер и обвела центр круга жирным красным.

— Я найду тебя, судья. Даже если для этого мне придётся стать такой же, как ты.

В коридоре слышались шаги. Кто-то принёс новую папку. Дело № 47/21 — «Серийные убийства, сопряжённые с применением психоактивных веществ». Четвёртый том.

Анна открыла его и начала читать. Впереди была долгая ночь.

— Добро пожаловать в ад, — сказала она сама себе. — Ты ведь уже здесь.

На часах было 6:47 утра. Доктор, за три квартала отсюда, готовил шприцы и улыбался видеодневнику.

— Четвёртый, — говорил он в объектив. — Осталось двадцать три. И моя собственная вакцинация. Чувствуешь, Катя? Мы почти закончили.

Девочка в углу кивнула. Он не замечал, что она уже три минуты как исчезла.

Глава 3. Свидетель

Григорий Ильич Кузьмин пил чай с вареньем и смотрел в окно. Ему было семьдесят четыре, он вышел на пенсию двенадцать лет назад и с тех пор главным его развлечением стала жизнь соседей. Не из праздного любопытства — из привычки. Тридцать лет проработал диспетчером в таксопарке, видел всякое. Глаз намётанный, память цепкая.

То, что он увидел в среду вечером, заставило его отодвинуть занавеску во второй раз.

— Чёрная «Тойота», — прошептал он, водя пальцем по запотевшему стеклу. — Номера грязные, не разобрать. А вышел кто?

Он описал это полиции уже трижды. Дважды участковому, один раз следователю. Мужчина. Среднего роста. В тёмном — то ли пальто, то ли длинная куртка. И странное — лицо прикрыто. Не шарф, нет. Медицинская маска. Белая, хирургическая, в темноте её было видно как пятно.

— А время? — переспросил следователь, молодой, с прыщавым подбородком, явно считающий старика маразматиком.

— Я «Спокойной ночи, малыши» смотрю, — обиделся Григорий Ильич. — Значит, без пятнадцати девять. Они выходят в четверть девятого, я переключаюсь на новости. А тут в дверь звонок. К Орехову. Тому, из тридцать пятой.

Следователь записал, кивнул и ушёл. Григорий Ильич остался один с ощущением, что он сказал что-то важное, а его не поняли.

Он не ошибся.

Через три дня после того, как тело Орехова нашли у гаражей, в дверь Григория Ильича постучала женщина. Высокая, худая, с короткой стрижкой и глазами, которые смотрели не на собеседника, а сквозь него. Предъявила удостоверение: «Анна Штерн, отдел особо тяжких».

— Можно войти?

— А вы не из тех, которые в форме? — спросил он, пропуская её.

— Я не из тех.

Она села на табуретку у плиты, отказалась от чая, достала блокнот.

— Расскажите ещё раз. Подробно. Какого числа, во сколько, что видели.

Григорий Ильич вздохнул. В который раз он описал чёрную машину, мужчину в маске, звук шагов по гравии, как дверь Орехова открылась не сразу — будто хозяин не хотел впускать.

— А потом? — Анна подалась вперёд.

— Потом я отвернулся. Жена позвала. А когда снова посмотрел — машины уже не было. И Орехов пропал. Думал, уехал по делам. А он, выходит, уже мёртвый был? — Григорий Ильич перекрестился. — Ироды. За что человека?

— Вы сказали, что мужчина в маске. Вы видели его глаза?

— А кто ж их разглядит, в темноте-то? Темнее, чем... — он замолчал, нахмурился. — Хотя нет. Один раз он обернулся. На свет фонаря. Глаза... обычные. Усталые. Будто врач после смены.

— Врач?

— Ну да. Я в такси возил всяких. Врачи после дежурства выходят — такие же глаза. Ничего не видят, ничего не хотят. Пустые.

Анна записала. Потом достала телефон, показала несколько фотографий.

— Кого-нибудь узнаете?

Григорий Ильич долго вглядывался в лица на экране. Потом задержался на одном — мужчина лет пятидесяти, худой, с глубокими тенями под глазами. Фото из базы данных — старая медкарта, снимок для пропуска.

— Нет, — сказал он неуверенно. — Не знаю. Но... — он потер переносицу. — Плечи. Вот эти плечи. Похожи. И как он держится — прямо, будто палку проглотил. Да, похож.

— Спасибо, Григорий Ильич. — Анна убрала телефон. — Вы очень помогли.

Она уже выходила, когда старик окликнул её:

— А он... этот человек... он что, плохих убивает? — Григорий Ильич понизил голос. — Внук мне в телефоне показывал, в интернете. Там говорят, что первые трое — те ещё злодеи были. Чиновник, который запчасты для больниц задерживал. Учитель, который над детьми издевался. И этот, с хостелами, где люди сгорели. Я сам в «Одноклассниках» читал — люди пишут, радуются. А по телевизору ничего такого не говорят, только «сердечные приступы». А вы-то знаете правду?

Анна замерла на пороге.

— Убийство — это всегда плохо, — сказала она, не оборачиваясь. — Даже если убивают плохих.

— А я думаю, — вздохнул Григорий Ильич, — что иногда Бог задерживается. И тогда кто-то берёт его работу на себя.

Она вышла, хлопнув дверью громче, чем хотела.

Доктор не любил менять планы. Он был человеком системы, расписаний, протоколов. Но чутьё, обострённое годами работы подсказывало: что-то пошло не так.

Он сидел в машине на другой стороне улицы и смотрел, как из подъезда выходит высокая женщина. Не в форме, но походка выдавала полицейскую — или военную. Прямая спина, голова повернута чуть влево, чтобы контролировать мёртвые зоны.

Она охотится, — подумал он. — Уже охотится.

Женщина села в серый «Форд» и уехала. Доктор записал номер машины в блокнот — мелким, почти шифрованным почерком. Затем достал планшет, открыл карту. Отметил дом Орехова, дом свидетеля, место, где нашли тело. Получился треугольник.

— Она умнее, чем я думал, — сказал он в пустоту. — Она придёт к центру. К больнице. К хоспису.

Он завёл двигатель. В зеркале заднего вида мелькнуло лицо — девочка с косичками, в синем платье. Она сидела на заднем сиденье и смотрела на него.

— Папа, а почему ты не поехал к маме? Ты обещал.

— Поеду, Катюша. Сейчас.

— Ты всегда говоришь «сейчас», — надула губы девочка. — А потом забываешь.

Доктор моргнул. Девочка исчезла. Он потер глаза — мокрые, покрасневшие. Метастазы давили на зрительный нерв, и галлюцинации становились чаще. Он знал это. Но каждый раз, когда видел её, надеялся, что она настоящая. Хотя бы на секунду.

Он выехал на трассу. Не домой — к Ирине. Может, в последний раз.

Ирина Волгина жила в однокомнатной квартире на окраине, с видом на железную дорогу. После развода она не взяла от Кирилла ничего — ни денег, ни мебели, ни воспоминаний, кроме тех, что помещались в коробку из-под обуви. Фотографии. Катина погремушка. Засушенный цветок из больницы.

Когда Кирилл позвонил в дверь, она не удивилась. Он всегда приходил без предупреждения. Но в этот раз что-то было иначе.

— Ты болен? — спросила она, впуская его.

— Здравствуй, Ира. — Он снял куртку — слишком лёгкую для марта. Под ней — старый свитер, который она помнила ещё с их свадьбы. — С чего ты взяла?

— Ты жёлтый. Глаза. Кожа. И ты похудел. Сильно.

— Диета.

— Ты никогда не сидел на диетах.

Он прошёл на кухню, сел на стул, который помнил его спину. Всё здесь было маленьким, бедным, но чистым. Ирина поставила чайник.

— Рассказывай, — сказала она, не оборачиваясь. — Я не отстану.

Доктор молчал. Он смотрел на её плечи — чуть сгорбленные, с напряжённой линией лопаток. Он знал это тело двадцать лет. Знал каждую родинку, каждую морщинку, каждую привычку. И знал, что врать бесполезно.

— У меня рак, — сказал он наконец. — Поджелудочная. Метастазы.

Чайник закипел. Ирина выключила его, но не обернулась. Простояла так минуту, другую. Потом сказала глухо:

— Сколько?

— Полгода. Может, меньше.

— Ты лечишься?

— Нет.

Она резко повернулась. Глаза мокрые, но не плачет. Ирина никогда не плакала при нём — только после смерти Кати, один раз, в морге. Тогда она выла, как зверь. А потом перестала. Навсегда.

— Как это — нет? Ты врач, Кирилл! Ты знаешь, что можно...

— Что можно? — он поднял на неё спокойные глаза — Химию? Лучевую? Операцию? Мне уже ничего не поможет. Опухоль неоперабельна. А химия даст три-четыре месяца — в тошноте, боли и слабости. Я не хочу.

— А чего ты хочешь?

— Закончить одно дело. — Он достал из кармана флакон с таблетками, положил на стол. — Это обезболивающее. Я принимаю, когда совсем плохо. В остальном — я работаю.

Ирина села напротив. Взяла его руки в свои — холодные, с посиневшими ногтями. Погладила.

— Какое дело, Кирилл? Ты ушёл из медицины. Ты нигде не работаешь. Что ты делаешь в этом своём подвале?

— спасаю людей, — тихо сказал он. — Так же, как всегда.

Она не поняла. Или не хотела понимать. Она сжала его пальцы сильнее.

— Я запишу тебя к онкологу, — сказала Ирина. В институт имени Герцена. Там лучшие специалисты. Не спорь. Не отказывайся от помощи.

— Ты не можешь оставаться один.

— Я не один, — он посмотрел на угол кухни, где секунду назад стояла девочка в синем платье. — Со мной Катя.

Ирина отпустила его руки. Встала. Подошла к окну.

— Она умерла, Кирилл. Четыре года назад. Ты не можешь продолжать с ней разговаривать. Это ненормально.

— А что сейчас нормально? — он тоже встал, пошатнулся — голова закружилась. — Этот мир? Где чиновники убивают детей бюрократией? Где насильники гуляют на свободе? Где никто никому не нужен? Это нормально?

— Нет. Но убивать других — тоже не норма.

Он замер. Слово «убивать» повисло в воздухе, как нож.

— Что ты сказала? — спросил он очень тихо.

— Ничего. — Ирина отвернулась. — Я просто... ты изменился. Ты злой. Ты никогда не был злым.

— Я устал, Ира. — Он надел куртку. — Я не злой. Я просто больше не боюсь.

Он вышел в подъезд, прислонился к стене. Сердце колотилось — не от страха, от опухоли. Она давила на диафрагму. Каждое движение стоило усилия.

Доктор выдохнул. Вытер пот со лба.

— Нужно ускоряться! — прошептал он.

В его блокноте было двадцать восемь имён. Четыре уже вычеркнуты. Оставалось двадцать три. И своё — двадцать восьмое.

Он спустился по лестнице, не дожидаясь лифта. На улице моросило. Чёрная «Тойота» ждала у подъезда. Он сел за руль, включил зажигание.

На пассажирском сиденье лежала папка с досье следующей жертвы. Мужчина, пятьдесят восемь лет. Владелец частного детского дома. Фотографии детей с синяками. Акт проверки, который «потерялся». Три отказа в возбуждении уголовного дела.

— Ты следующий, — сказал Доктор, глядя на фото. — Приготовься к вакцинации.

Машина выехала на трассу. В зеркале заднего вида отражались огни города — сотни окон, сотни жизней. В одном из них, на четвёртом этаже, Ирина стояла у окна и смотрела вслед чёрной «Тойоте».

Она не знала, что её бывший муж сказал ей правду только о болезни. Рак был настоящим. А вот про остальное — про то, чем он заполняет свои дни, как спасает людей, — он промолчал. Ирина не хотела знать эту правду. Может быть, догадывалась, но боялась спросить.

Она знала только одно: он уходит, и она никогда больше не увидит его живым.

Глава 4. Теория моральных вирусов

Доктор взял кассету и наклеил этикетку: «№ Теория». Он делал это каждый раз, когда чувствовал, что начинает сомневаться. Видеодневник стал его исповедью, его научным журналом, его разговором с тем единственным, кто всё равно не ответит.

Он нажал «запись».

Красная лампочка на камере загорелась, и Доктор поправил объектив. Он сидел в своём подвале, на табурете, с блокнотом на коленях. За его спиной — стеллажи с ампулами, холодильник с маркировкой «Био опасность», и плакат с анатомией человека. Домашняя операционная.

— Сегодня пятое марта, — начал он. Голос звучал ровно, но в горле першило. — Меня зовут Кирилл Волгин, мне пятьдесят один год. Я врач — эпидемиолог, кандидат медицинских наук. У меня рак поджелудочной железы, четвёртая стадия, метастазы в печень, лёгкие и головной мозг. Прогноз — около четырёх месяцев. Это не важно.

Он откашлялся, сделал глоток воды из стакана.

— Важно другое. Я разработал метод деактивации моральных патогенов. В просторечии — вакцину от жестокости. Сегодня я хочу зафиксировать теоретическую основу. На случай, если меня не станет, и кто-то захочет продолжить. Или, он усмехнулся, — остановить.

Он встал, подошёл к доске, висевшей на стене. На ней были нарисованы схемы — круги, стрелки, формулы. Центральное место занимало слово, обведённое красным: «МЕТЕТИЧЕСКИЙ ПАТОГЕН».

— Что такое вирус? Это частица, которая проникает в клетку, перепрограммирует её и заставляет производить копии себя. Классика. Что такое моральный вирус? — Он постучал мелом по доске. — Идея. Поведенческий паттерн. Жестокость, например. Она не передаётся через кровь или слюну. Она передаётся через наблюдение, через научение, через травму.

Он нарисовал стрелку: «Отец бьёт ребёнка — ребёнок бьёт слабого — слабый бьёт того, кто ещё слабее».

— Это цепная реакция. Пандемия. Я изучал статистику. Дети, которые растут в среде насилия, в семидесяти процентах случаев сами становятся насильниками. Жертвы домашнего абюза превращаются в абюзеров в три раза чаще, чем те, кто вырос в безопасности. Жестокость заразна. И единственный способ остановить эпидемию — создать иммунитет.

Он вернулся к камере, сел ближе, так, что лицо заняло половину экрана. Тени под глазами казались глубже, кожа — сероватой.

— В 2020 году мир пережил пандемию COVID-19. Я работал в «красной зоне». Видел, как умирают люди. Как врачи падают от истощения. Как чиновники отчитываются о «стабильной ситуации», когда трупы лежат в коридорах. Но самое страшное я увидел, когда заболела моя дочь. Катя. Ей было одиннадцать.

Он замолчал. На секунду его лицо исказила гримаса — не боли, нет. Чего-то более глубокого, первобытного.

— Ей нужен был аппарат ИВЛ. Он сломался за два дня до того, как её госпитализировали. Запчасти задержали на таможне. Чиновник, который подписывал документы, сказал потом на следствии: «Я действовал по регламенту. Бумаги шли семь дней, это норма». Норма. Он не убивал её своими руками. Он просто не поторопился. Он исполнил свою работу — бездумно, безжалостно, как вирус.

Доктор достал из кармана фотографию. Девочка с косичками, в больничной пижаме, улыбается в камеру. Он поднёс её к объективу.

— Это моя дочь. Она умерла не от вируса. Она умерла от человеческой жестокости, упакованной в бюрократический протокол. И тогда я понял: настоящая пандемия — не грипп,

не ковид, не чума. Настоящая пандемия — это равнодушие. Это привычка делать больно тем, кто слабее. Это система, которая позволяет насильникам оставаться на свободе, а жертвам — умирать в тишине.

Он убрал фото, сглотнул.

— Я начал работать над вакциной три года назад. База — старые разработки программы «Ужас». СССР пытался создать психологическое оружие, которое заставляло бы противника видеть свои самые глубокие страхи. Формулы были неполными, но принцип я восстановил. Мой коктейль — это нейромодулятор, производное псилоцибина, синтетический агонист рецепторов страха и ещё несколько компонентов. Он вводится внутривенно. Через тридцать-сорок секунд начинается фаза галлюцинаций. Жертва видит то, что она больше всего боится. Чаще всего — себя. Своё отражение в роли насильника, убийцы, монстра.

Он встал, прошёлся по комнате. Камера зафиксировала его тень на стене — огромную, колеблющуюся.

— Смерть наступает от разрыва сердца или остановки дыхания. Организм не выдерживает ужаса. Это не пытка в традиционном смысле. Пытка — это когда палач причиняет боль. Здесь боль причиняет себе сама жертва. Её собственная совесть, её подавленные страхи. Я лишь даю катализатор.

Он остановился перед доской, взял мел.

— Я называю это «вакцинацией». Почему? Потому что вакцина — это препарат, который вызывает иммунный ответ на патоген. Мой патоген — жестокость. Вакцина — смерть носителя. После того, как носитель уничтожен, он больше не может заражать других. Цепь прерывается. Общество получает иммунитет — не потому, что становится добрее, а потому что опасные элементы удалены.

Он написал на доске формулу: $E = mc^2$ жестокости (это была его личная формула).

— Я выбираю жертв не случайно. Каждая — носитель вируса в активной фазе. Я проверяю досье, собираю доказательства, наблюдаю. Только когда уверен на сто процентов, что человек жесток и избежал наказания, я действую. Чиновник, задержавший запчасты. Учитель-педофил, отмазанный знакомыми в прокуратуре. Владелец хостелов, где сгорели люди. Владелец зоомагазина, убивавший животных. — Он перечислил, загибая пальцы. — Четыре вакцинации. Четыре спасённые жизни? Нет. Тысячи. Потому что каждый из них мог заразить сотни.

Он подошёл к камере, выключил её на секунду — и снова включил. Его лицо стало ещё бледнее, в углу рта — след от прикушенной губы.

— Я знаю, что вы думаете. «Он безумец. Он убийца. Он такой же, как они». Может быть. Но я не получаю удовольствия. Каждая смерть — это кусок моей души. Я вижу их лица. Я слышу их крики. Я держу их за руки, когда они умирают. И каждую ночь я просыпаюсь в холодном поту, потому что мне снится Катя. Она смотрит на меня и молчит.

Он вытер глаза — жест, похожий на сдавливание висков.

— Но я продолжаю, потому что никто другой не сделает. Полиция коррумпирована. Суды медленны. Адвокаты дороги. Только я. Я — нулевой пациент. В эпидемиологии нулевой пациент — это тот, кто первым заболевает. Но в моей теории всё иначе. Нулевой пациент — это тот, кто принимает болезнь в себя, перерабатывает её и умирает, оставляя антитела. Антитела — это знание. Это страх перед жестокостью. Это надежда, что кто-то прочитает мои записи и скажет: «Он был неправ, но он пытался».

Он замолчал. Где-то наверху, над подвалом, раздался звук — шаги? Доктор насторожился, но нет. Старое здание, скрипят трубы.

— Сегодня вечером у меня пятая вакцинация, — продолжил он тише. — Мужчина, пятьдесят восемь лет. Детский дом. Дети с синяками. Ни одного приговора. Я уже подготовил ампулу. Я знаю его страхи. Он боится не боли. Он боится, что его увидят таким, какой он есть. Пусть увидит сам.

Он протянул руку к камере, чтобы выключить, но замер. Взгляд ушёл в угол — туда, где камера не снимала.

— Катя, — сказал он. — Иди сюда. Папа записывает. Скажи что-нибудь.

Тишина.

— Она не хочет говорить, — прошептал он в объектив. — Я знаю, что это галлюцинации. Метастазы в височной доле. Но, чёрт возьми, я так рад её видеть.

Он выключил камеру. Красная лампочка погасла.

В тишине подвала остались только звуки: капающая вода, гул холодильника, и его дыхание — прерывистое, с присвистом. Доктор вынул кассету, подписал: «№ 4. Теория». Поставил на полку, где уже лежали три другие — с записями вакцинаций.

Потом достал из холодильника ампулу с янтарной жидкостью. На этикетке было написано: «№ 5. Детский дом». Он проверил срок годности, температуру, цвет. Всё в норме.

— Пятый, — сказал он. — Осталось двадцать два.

Он положил ампулу в карман халата, накинул куртку. На столе лежало досье: фотография мужчины с брюшком, в дешёвом пиджаке, на фоне серого здания. Дети на заднем плане — худые, с опущенными головами.

Доктор посмотрел на фото долгим взглядом.

— Я иду к тебе, — прошептал он. — Готовься к встрече со своей совестью.

Он поднялся по лестнице, открыл дверь. На улице моросил дождь. Чёрная «Тойота» ждала у входа. Он сел за руль, включил дворники.

На пассажирском сиденье, пристёгнутая ремнём, сидела девочка. Она не оборачивалась. Она смотрела в окно на дождь.

Доктор улыбнулся — впервые за день.

— Поехали, Катя, — сказал он. — У нас много работы.

Машина выехала на трассу. Сзади оставался подвал с камерами, ампулами и видеодневником, в котором человек объяснял, почему убивать — это лечить.

Он верил в это. И это было страшнее любой лжи.

Глава 5. Ошибка в расчётах

Детский дом «Надежда» располагался в бывшем здании санатория — три этажа серого кирпича, облупившаяся штукатурка, решётки на окнах. Когда-то здесь лечили туберкулёз. Теперь здесь лечили души. Или, по крайней мере, должны были.

Доктор наблюдал за зданием три дня. Он знал расписание смен, имена воспитателей, маршруты обхода. Знал, что в подвале, где раньше хранили кислородные баллоны, директор оборудовал «комнату для провинившихся». Знал, что стены там толстые, и криков не слышно даже на первом этаже.

Он знал всё. Кроме одного.

В тот вечер, когда он решил действовать, в здании осталась ночная няня.

План был простой: проникнуть через чёрный ход, отключить сигнализацию, подняться на второй этаж, где находился кабинет директора. Директор, некто Родион Сергеевич Кречетов, имел привычку задерживаться по пятницам — пил коньяк, смотрел порно, иногда вызывал к себе «проверенных» девочек постарше. Доктор видел это в его телефоне, который клонировал за неделю до того.

В 21:15 Кречетов был пьян и один. Доктор ввёл ему первую дозу — не сыворотку, простой миорелаксант. Тело обмякло, глаза закатились. Через десять минут директор уже лежал на заднем сиденье «Тойоты», укрытый чёрным пледом.

Доктор уже выезжал со стоянки, когда услышал шаги.

— Родион Сергеич? — женский голос, испуганный. — Вы здесь? Я слышала шум.

Няня. Молодая, лет двадцать пять, в синем халате. Она вышла на крыльцо с фонариком в руке и подсвечивала себе под ноги.

Доктор замер. Машина стояла в тени деревьев, двигатель работал на холостых. Если она заметит номер — всё. Если подойдёт ближе — увидит его лицо.

Он сделал единственное, что пришло в голову. Выхватил из кармана второй шприц — седатив, не сыворотку. Вышел из машины, не закрывая дверь. Шагнул в свет фонаря.

— Он уехал, — сказал Доктор. Голос спокойный, чуть хриплый. — Сказал передать, что вы можете идти домой.

Няня моргнула. Посветила ему в лицо.

— А вы кто?

— Врач. Новый. Мы договаривались о консультации.

Он врал легко, как дышал. Врал всю жизнь — сначала пациентам, что всё будет хорошо, потом дочери, что боль пройдёт, потом жене, что все в порядке. Теперь врал этой женщине. И она, кажется, верила.

— Странно, — сказала няня, опуская фонарик. — Мне никто не говорил. А Родион Сергеич не в том состоянии, чтобы...

— Состояние нормальное, — перебил Доктор. Он сделал шаг вперёд, держа руку со шприцом за спиной. — Он просил передать, чтобы вы проверили второй корпус. Там якобы шум.

— Второй корпус закрыт на ремонт, — нахмурилась няня. — Там никого нет.

— Тогда, может, показалось.

Он подошёл вплотную. Она была ниже на голову, и когда подняла лицо, он увидел её глаза — карие, усталые. Долгие смены, недосып, страх за детей. Она была одной из хороших. Он знал — он проверял всех сотрудников. Эта женщина ни разу не подняла руку на ребёнка, писала жалобы в опеку, пыталась добиться проверок. Её не слушали.

— Извините, — сказал Доктор. И вонзил иглу ей в шею.

Она охнула, схватилась за место укола, посмотрела на него — непонимающе, обиженно, как ребёнок, которого наказали незаслуженно. Потом глаза закатились, и она осела на землю.

Доктор подхватил её за секунду до того, как она рухнула на асфальт.

— Прости, — повторил он, встряхивая женщину. — Ты не должна была этого видеть. Ты не виновата.

Но она не слышала. Седатив подействовал за семь секунд.

В подвале Доктор связал няню пластиковыми стяжками, положил на кушетку, где обычно лежали жертвы. Он работал молча, механически, чувствуя, как внутри нарастает паника. Не страх — паника от нарушения протокола. Протокол был его религией. Чистота эксперимента, отсутствие свидетелей, минимальный ущерб для невиновных. Теперь всё это рухнуло.

— Что ты наделал? — спросила Катя. Она сидела возле стеллажа с ампулами. — Она же не плохая. Она добрая.

— Замолчи, — прошептал Доктор.

— Ты сам говорил, что нельзя трогать невинных.

— Замолчи!

Он ударил кулаком по стене. Боль пронзила руку — хорошо, реально. Он замер, прислушиваясь к себе. Катя исчезла. Осталась только женщина на кушетке и мужчина в углу — Кречетов, всё ещё под миорелаксантами, с открытыми глазами, которые не могли моргнуть.

Доктор подошёл к нему, подключил к кардиомонитору, проверил пульс. Жив. Хорошо.

Затем сел на табурет перед няней и стал ждать.

Она пришла в себя через час. Первое, что она увидела — бледное лицо в полумраке, тени под глазами, чёрную маску, которую Доктор успел надеть.

— Где я? — прошептала она. Губы пересохли, язык не слушался.

— В безопасном месте, — ответил Доктор. — Вы не пострадаете. Но вы видели моё лицо. Это проблема.

— Вы... вы тот самый? Из новостей? — она дёрнулась, стяжки заскрипели. — Убийца?

— Я не убийца. Я врач. — Он взял стакан воды, поднёс к её губам. — Пейте. Медленно.

Она пила, не отрывая от него взгляда. Когда стакан опустел, спросила:

— А где Родион Сергеич?

— Там. — Доктор кивнул в угол. — Он следующий.

Няня повернула голову, увидела директора — обмякшего, с запрокинутой головой. Её лицо исказилось — сначала страхом, потом... облегчением?

— Вы его убьёте? — спросила она тихо.

— Я сделаю ему вакцинацию.

— Это больно?

— Ему — да. Ему будет очень больно. — Доктор наклонился ближе. — Вы знаете, что он делает с детьми?

Няня молчала. Глаза наполнились слезами.

— Знаю, — выдохнула она. — Я пыталась остановить. Писала в прокуратуру. Меня вызывали на ковёр, угрожали увольнением. Он... он говорит, что они врут. А они маленькие. Они не умеют врать про такое.

— Значит, вы понимаете, почему я здесь.

— Понимаю. — Она всхлипнула. — Но вы всё равно псих. Убивать — это неправильно. Даже таких.

Доктор помолчал. Потом снял маску.

— Смотрите на меня, — сказал он. — Запомните это лицо. Если я вас отпущу, вы пойдёте в полицию. И меня поймают. Но перед тем, как вы это сделаете, я успею закончить. Ещё двадцать два человека. Двадцать два вируса. А потом я умру сам. Рак. Четвёртая стадия. Мне терять нечего.

Няня смотрела на него широко раскрытыми глазами.
— Вы правда больны?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.